

Павельева А. К.
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранной филологии и перевода
Полтавский национальный технический университет имени Юрия Кондратюка
г. Полтава, Украина*

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК КАТЕГОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА»

Пространственно-временные параметры играют ключевую роль в контексте любого произведения. Умело и продуктивно использованные автором категории пространства и времени имеют большое значение в реализации авторского замысла и, соответственно, в восприятии произведения читателем. Кроме того, хронологическое начало литературных произведений способно придавать им философический характер.

Изучение художественного времени, художественного пространства и хронотопа помогает раскрыть преемственность между эпохами, установить общее между различными культурами одной эпохи, выделить особое, в котором проявляются национальные условия и традиции.

Сюжетное время повести «Пропавшая грамота», как и в «Вечере накануне Ивана Купала», с которой они композиционно связаны, трехуровневое. Это была, рассказанная дьячком Диканьской церкви «про то, что давно-давно, и года ему и месяца нет, деялось на свете» с его дедом и записанная Рудым Паньком. На момент рассказа Фома Григорьевич был уже седовласым старцем, а речь в повести шла о тех временах, когда его покойный дед казаковал (отец рассказчика в то время был малым ребёнком). Поэтому даже для самого рассказчика-дьячка эти события кажутся «старинной», и он сам характеризует их как «страховинну казочку». То есть, уже в самом начале повествования подчеркивается, что в повести преобладает

мифологическое время. Рассказ деда не случайно сопровождается словами «бывало», «один раз» и т.п.

Мифологическое время приключений деда Фомы Григорьевича – линейное. Оно тесно переплетается с социально-историческим хронотопом, авантюрным и мистериально-демоническим. Социально-исторический хронотоп мыслится как фон развертывания событий. Приключения героя начинаются с того, как «один раз задумалось вельможному гетману послать зачем-то к царице грамоту», и деда рассказчика отправили гонцом с таким важным поручением, скорее всего, в Петербург. Таким образом, можно предположить, что дело было во времена правления Екатерины II, что косвенно подтверждается также ремаркой повествователя: «Нет, прошло времечко: не увидеть больше запорожцев!» [2, с. 70]. К тому же, в этой повести упоминаются такие реальные географические координаты, как Батурин и Конотоп, через который деду Фомы Григорьевича довелось проезжать.

Авантюрный хронотоп начинается с того момента, как дед остановился на ярмарке в Конотопе, познакомился с запорожцем, «попойка завелась, как на свадьбе перед постом» и «дед совсем уже было позабыл про путь свой» [2, с. 70]. Важной составляющей авантюрного хронотопа, в свою очередь, является хронотоп ярмарки и локус шинка. На ярмарке герой провел целый день (когда он приехал в Конотоп, «ещё петух не кричал в четвертый раз», а когда он покинул этот город, «было давно под вечер»). За это время герой нашел себе попутчиков, из-за которых ему пришлось играть в карты с ведьмами. В шинке, ночью, он не сдержал своего слова, «проворонив» чёрту запорожца, да еще и лишился грамоты. Таким образом локус шинка пересекается с мистериально-демоническим хронотопом. Пришедший за душой запорожца нечистый деформирует пространство (деду то мерещится под возом какое-то чудище, то кажется, будто из-за воза «что-то серое выказывает роги»). Он насылает на героя дремоту, перед которой тот не в силах устоять, крадет его коня. Хронотоп дороги пронизывает всю повесть – от социально-исторического

хронотопа (выезда из дому в Петербург через Конотоп) до мистериально-демонического (ночная дорога в шинок, а оттуда – через лес к нечисти). Мистериальное пространство связано с лесом неподалёку от шинка. В этом лесу нужно пройти после захода солнца «малой дорожкой мимо обожженного дерева» к черной речке. Мост отделяет мистериальное пространство (где цыгане «выходят из нор своих ковать железо в такую ночь, в какую одни ведьмы ездят на кочергах своих» [2, с. 72]) от пространства демонического, где возле огня сидело «бесовское племя».

Поскольку хронотоп ярмарки в этой повести – категория отрицательная (именно с ярмарки начались неприятности героя), то ведьмы не случайно сравниваются с панночками на ярмарке. В повести указывается, что черти увивались около них, «будто парни около красных девушек». Все чудища отплясывали «какого-то чертовского тропака», напоминавшего пляс запорожца, продавшего душу нечистому. Этих танцующих бесов можно рассматривать как аллюзию на посетителей ярмарки. Более того, среди нечисти были даже свои «музыканты». Автор не дает прямого описания ярмарки в начале повести, но он косвенно описывает её, отождествляя хронотоп ярмарки с демоническим хронотопом.

Демоническое пространство, в котором оказался герой, не имеет границ. Его усадили за стол «длиною, может, с дороги от Конотопа до Батурина». Это «нечистое» пространство деформируется: казак вместо своего подносит вилку к чужому рту, и предметы кажутся несоразмерно огромными: стол бесконечен, вилка размером с вилы, козырные карты непонятным образом превращаются в человеческих руках в простую масть («бесовское обморачиванье»). Всё в демоническом пространстве возникает из ниоткуда и исчезает неведомо куда: «откуда не возмись шапка – бух деду прямехонько в лицо». А «конь, как огонь» взвился под казаком, когда черт «хлопнул арапником». Тут можно провести параллель с повестью «Майская ночь, или утопленница», где в эпиграфе к первой

главе упоминалось, что «тільки ж куди чорт уплетеця, то верть хвостиком – так де воно й візмеця, неначе з неба» [2, с. 45]. Казак еле вырвался из демонического хронотопа, временные и пространственные границы которого разомкнулись, и дед Фомы Григорьевича, без труда добравшийся к бесам через лес, долго выбирался обратно, пролетая над провалами и болотами, и только под утро был сброшен с сатанинского коня прямо на крышу своей хаты. В эту же ночь его жене снилось «что печь ездилa по хате, выгоняя вон лопатою горшки, лоханки, и черт знает что еще такое» [2, с. 76]. В одно и то же время дед рассказчика и его жена находились в демоническом пространстве, только казак – наяву, а его супруга – во сне. Пребывание в нём не прошло бесследно: с тех пор каждый год, ровно в то самое демоническое время, с бабкой Фомы Григорьевича «делалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только».

Важным элементом игры нечисти с героем является еда. Мотив еды вообще характерен для первых циклов Н. В. Гоголя и играет важную роль в контексте всех повестей сборников «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Повесть заканчивается, как и начиналась – социально-историческим хронотопом. Дед дьячка Диканьской церкви успешно доставил грамоту царице. «Там нагляделся дед таких див....», но эта деталь относится уже к пространству Петербурга.

Итак, пространственно-временные рамки повести Н. В. Гоголя «Пропавшая грамота» играют ключевую роль в композиции произведения.

Список использованных источников

1. Вайскопф М. Я. Сюжет Гоголя : Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. 592 с
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Под ред. Н. Л. Мещерякова. [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952.

3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. О русской литературе : Статьи и исследования (1958-1993). *История русской прозы. Теория литературы*. СПб. : «Искусство-СПБ», 1997. С. 621 – 658.

4. Павельева А. К. Пространственно-временная структура повести Н.В. Гоголя «Пропавшая грамота». *Наукові записки Національного університету «Острозька академія» : серія «Філологія»*. Острог : Вид-во НаУОА, 2018. Вип. 3 (71), вересень. С. 108 – 110.